

Чтобы облегчить финансовое бремя, Цзун Ци ежегодно получал стипендию, преподаватели знали о его семейных обстоятельствах. Старый профессор понял причину пропуска без объяснений.

Но правила есть правила — пропуск пересдачи означал повторный курс, никаких исключений.

— Ладно, ладно.

Профессор надел очки для чтения, достал из ящика бумагу и подписал.

— Возьми это и иди на факультет искусств, к новому приглашённому профессору из столичного университета. Весь семестр будешь под его руководством — это и будет твоя практика.

Приглашённый профессор отличался от штатного — это почётное звание.

Столичный университет неизменно занимал первое место в рейтингах. Получить там должность приглашённого профессора непросто — либо выдающийся вклад в науку и приглашение из государственного НИИ, либо признанный специалист с монопольными технологиями, либо влиятельная публичная фигура.

— Профессор с факультета искусств? — Цзун Ци с любопытством взял документ.

Логично для курса эстетики. Но почему профессор Чэн не взял его сам, а отправил к другому преподавателю?

Старик вскинул брови:

— Ещё семестр с тобой? Жить надоело?

— Хотя он не совсем художник, — пробормотал он, выпроваживая Цзун Ци. — Иди-иди, многие об этой возможности только мечтают.

— В следующий раз чтоб различал Сезанна и Моне!

Озадаченный юноша побрёл с документами на факультет искусств.

В отличие от модернистского здания киноакадемии, корпус искусств дышал постмодерном — не странная, а прямо-таки причудливая архитектура, настоящий символ университета Цзянчжоу.

— А? Профессора Юй? — Ассистент, тащивший стопку художественных материалов, опешил. — Неделю назад могли бы встретить, у нас проходила его персональная выставка.

"Персональная выставка?" — изумился Цзун Ци.

Университет Цзянчжоу уступал столичному, но входил в национальную пятёрку лучших, особенно в искусстве, где стабильно лидировал. Преподаватели впечатляли.

Взять того же профессора Чэна — ведущий специалист по древнегреческой эстетике. Или преподаватели режиссуры — внешне неприметные, а на деле бывшие режиссёры или опытные инсайдеры индустрии с головокругительными связями.

На факультете искусств работали лауреаты международных премий, но персональную выставку в учебном корпусе устраивали впервые на памяти Цзун Ци.

— Не могли бы дать контакты профессора Юй? — спросил он.

Ассистент с улыбкой развёл руками — простой подмастерье без таких полномочий — и посоветовал поискать на факультете психологии.

— Вообще-то профессор Юй преподаёт психологию, там и студия. Повезёт — застанете. Хотя не гарантирую, он редко бывает в университете, только на открытых лекциях.

Так Цзун Ци узнал — профессор не с факультета искусств.

Основная специальность — психология, живопись — хобби. Иногда проводит открытые лекции, время плавающее, но неизменно аншлаг.

Цзун Ци проникся уважением.

Даже по описанию чувствовалась незаурядность. Особенно впечатлило, что профессор Юй — эксперт-криминалист в Бюро национальной безопасности и признанный художник-новатор.

Профессор криминальной психологии с выдающимся художественным талантом.

Неудивительно, что другие мечтают о такой возможности — профессор Чэн всерьёз решил преобразить его эстетическое восприятие.

Обойдя полууниверситета от режиссуры через искусство до психологии, Цзун Ци наконец нашёл кабинет на шестом этаже.

Корпус психологии недавно построили, набор не расширяли, занятия шли в старом здании и на нижних этажах. Весь шестой пустовал — закрытые двери вдоль гулкого коридора.

На двери кабинета табличка с именем профессора психологии.

"Юй Чэньсюэ?"

Имя веяло холодом и отстранённостью, словно недостижимая вершина, не тронутая пылью.

Несвоевременная мысль мелькнула в голове Цзун Ци.

Он поднял руку постучать.

"Скрип..."

Неожиданно от лёгкого касания дверь подалась, приоткрываясь.

"Не заперто?"

Черноволосый юноша замер:

— Профессор Юй, вы здесь?

Трижды вежливо окликнул — тишина в ответ.

Безмолвие в коридоре.

Цзун Ци глянул на время.

Одиннадцать тридцать.

В этот час свободные преподаватели обычно обедают, вернутся к двум.

Цзун Ци не ел, да ещё обещал Сяо Хун приготовить обед.

Хотя она никак не отреагировала, он серьёзно относился к общению с сотрудниками и решил произвести впечатление кулинарными талантами.

Ци Ниньчжоу упоминал, что многие злые духи питаются людьми. Цзун Ци находил это

странным.

Либо они забыли, либо не пробовали настоящую китайскую кухню. При таком разнообразии выбирать поедание людей — даже Дадзай Осаму бы не понял.

Цзун Ци решил оставить документы на столе профессора Юй со своими контактами — бессмысленно торчать в коридоре.

— Прошу прощения, я войду.

Он осторожно толкнул незапертую дверь.

Перед ним раскрылась белоснежная студия.

Одну стену заменило панорамное окно с подобранными светлыми шторами. За озером открывался вид на половину кампуса.

Яркий свет заливал светлый паркет, кондиционер работал круглосуточно, пылинки застыли в воздухе слоями.

Главное впечатление производили картины на мольбертах — в основном масло, изредка тушь на рисовой бумаге.

Сперва Цзун Ци удивился размеру кабинета — не общий для нескольких преподавателей, а личная студия профессора Юй. Но вскоре его захватили картины.

Конечно, с его эстетическим восприятием он не мог оценить мастерство. Лишь отметил выразительность портретов, красоту пейзажей, хотя некоторые казались просто небрежными мазками краски.

К дальней стене работы усложнялись — пестрели красками, грубели мазки, словно черная вуаль накрывала сознание, разрывая покров умиротворения, наполняя тревогой и противоречиями в духе экспрессионизма потока сознания.

Незаметно для себя Цзун Ци затаил дыхание.

Он увидел последнюю картину.

Громадное полотно занимало целую стену. Тёмно-серый шёлк соскользнул с рамы на пол, обнажая грубый холст.

Безусловно, странная работа.

Золотая пшеница бесконечно колыхнется на нижней половине холста. В небе сияет солнце, но рядом мерцают звёзды и чёрно-фиолетовые вихри сумерек, как глубокая ночь.

Посреди поля лежит мужчина в коричневом костюме. Высокие скулы, густая борода, в руке пистолет, из раны в груди хлещет кровь.

Несмотря на яркие краски, причудливая техника создавала жуткий диссонанс с содержанием.

Отчаяние, боль, безумие и смерть.

Нескольких взглядов хватило — по спине черноволосого юноши пробежал холодок, тело невольно задрожало.

Но он не мог оторвать глаз, словно картина гипнотизировала. Настолько, что не услышал, как открылась дверь за спиной.

<http://bllate.org/book/13369/1189267>